

БЫЛ ЛИ МАННЕРГЕЙМ «СПАСИТЕЛЕМ ЛЕНИНГРАДА»?

Рассматриваются обстоятельства вступления Финляндии в войну против СССР на стороне Гитлера в июне 1941 года. Показано, что действия финского руководства были обусловлены предварительными договорённостями с германским командованием, заключёнными в 1940–1941 гг. Опровергается миф о том, будто в ходе боевых действий финская армия добровольно остановилась на старой линии государственной границы между СССР и Финляндией.

Ключевые слова:

Блокада Ленинграда, Великая Отечественная война, Ленинград, Маннергейм, фальсификация истории, Финляндия.

Пыхалов И.В. Был ли Маннергейм «спасителем Ленинграда»? // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 3. – С. 15–20.

Пыхалов Игорь Васильевич – историк, публицист, Санкт-Петербург; e-mail: pyhalov@sonix.ru

Согласно культивируемой в нашей стране либеральной мифологии, летом 1941 года миролюбивая Финляндия вовсе не думала нападать на СССР, однако советские самолёты 25 июня нанесли бомбовый удар по финской территории, после чего финнам волей-неволей пришлось присоединиться к Гитлеру. Тем не менее, несмотря на коварство русских, финский главнокомандующий Маннергейм, помня о любимом государе Николае II и учёбе в Николаевском кадетерийском училище, не стал наступать дальше старой советско-финской границы. Тем самым благородный маршал спас Ленинград, который в противном случае был бы неминуемо взят*.

Надо сказать, что подобная идея отнюдь не оригинальна. Именно это утверждал бывший финский президент Ристо Рюти, представ в конце 1945 года перед судом как один из виновников вовлечения Финляндии во 2-ю Мировую войну: «Когда 22 июня 1941 года между Германией и Россией вспыхнула война, мы искренне стремились оставаться вне её... Мы избегали всего того, что могло создать у России впечатление, что мы являемся её врагами... Война была начата против нас» [1, с. 28].

Однако судьи не сочли доводы Рюти убедительными, приговорив его к 10 годам тюрьмы. Причём сделал это не международный трибунал, как в Нюрнберге и Токио, а финский суд [3, с. 459].

Каковы же основные вехи на пути вступления Финляндии в войну?

Из дневника начальника штаба Сухопутных войск Германии Франца Гальдера: «22 августа 1940 года Рёссинг (военный атташе в

Финляндии) доложил о состоянии финской Сухопутной армии, насчитывающей 16 дивизий. Перемена отношения фюрера к Финляндии. Помощь Финляндии вооружением и боеприпасами. Переговоры о разрешении прохода двум горным дивизиям по приморской дороге в Киркенес» [5, с. 108].

12 сентября 1940 года в Хельсинки было подписано соглашение о транзите немецких войск через территорию Финляндии [1, с. 138]. 21 сентября в финский порт Вааса на побережье Ботнического залива прибыли первые немецкие транспорты с войсками и оружием [1, с. 139].

16 декабря 1940 года Гальдера посетил финский генерал-майор Пааво Талвела и военный атташе Финляндии в Германии полковник Вальтер Хорн. Как отмечает Гальдер в своём дневнике: «Я просил дать сведения о сроках приведения финской армии в состояние скрытой боевой готовности для наступления в юго-восточном направлении» [5, с. 306]. И здесь же примечание немецкого издателя: «То есть по обе стороны Ладожского озера в общем направлении на Ленинград» [5, с. 307].

30 января 1941 года в Германию тайно прибыл начальник финского Генштаба генерал-лейтенант Эрик Хейнрикс, который немедленно приступил к переговорам со своим немецким коллегой. Из дневника Гальдера:

«13:00 – завтрак с генералом Хейнриком (начальник финского Генштаба)...

16:30 – Совещание с генералом Хейнриком:

Для доведения войск на границе до штатов военного времени [после объявления мобилизации] потребуется девять дней. Скрытая мобилизация. Однако её нельзя сделать совершенно незаметной.

* См., например, интервью Виктора Правдюка «Радио Свобода», 25 июня 2016 – <http://www.svoboda.org/a/27819192.html>

16 | Направление главного удара – по обе стороны Ладожского озера. Пять дивизий – южнее и три дивизии – севернее Ладожского озера» [5, с. 343].

Визит генерала Хейнрикса в Берлин закончился торжественным ужином в финляндском представительстве, который «прошёл под знаком дружбы и традиционного германо-финляндского братства по оружию» [1, с. 204–205]. Оценивая результаты переговоров, присутствовавший на них финский военный атташе Вальтер Хорн сделал в своём дневнике лаконичную, но весьма выразительную запись: «30.1.41 г. Знаменательный день в истории Финляндии...» [1, с. 204].

Сразу же после визита Хейнрикса финский посланник Тойво Кивимяки от имени президента Рюти официально сообщил министру иностранных дел Третьего рейха Риббентропу, что Финляндия полностью становится на сторону Германии [1, с. 205].

30 марта после совещания у Гитлера Гальдер записал в своём дневнике: «Никаких иллюзий по отношению к союзникам! Финны будут храбро сражаться, но их мало, и они ещё не оправились от поражения [зимняя война 1939–1940 гг.]» [5, с. 429].

Наконец, 24 мая начальник Генштаба Финской армии генерал Эрик Хейнрикс и начальник оперативного отдела полковник Кустаа Тапола в сопровождении ещё трёх представителей финляндских Вооружённых сил прибыли в Германию для окончательного согласования планов совместных операций. С немецкой стороны в переговорах участвовали фельдмаршал Вильгельм Кейтель, генералы Альфред Йодль и Франц Гальдер [1, с. 231]. 25–28 мая германский и финский Генеральные штабы окончательно урегулировали и согласовали планы совместных операций, сроки мобилизации и начала наступления. Финским войскам надлежало перейти к активным действиям через 14 дней после начала немецкого вторжения [5, с. 545–546].

Для ведения боевых действий были созданы две оперативные немецко-финские группировки. Первая, подразделявшаяся на три отдельно действующие группы, предназначалась для наступления на Мурманск, Кандалакшу, Лоухи (операция «Полярная лиса»). Вторая имела задачу силами финской Карельской армии совместно с немецкой 163-й пехотной дивизией наступать на Петрозаводск, а силами финской Юго-Восточной армии во взаимодействии с 18-й немецкой армией – на Ленинград. Кроме того, предусматривался захват финнами полуострова Ханко [5, с. 344].

17 июня 1941 года Финляндия официально вышла из Лиги наций, а 18 июня начала всеобщую мобилизацию [8, с. 142]. В тот же день немецкие войска стали выдвигаться на севере Финляндии к советской границе и занимать позиции для наступления. В Генеральном штабе Финской армии состоялось совещание начальников оперативных отделений штабов корпусов, где их проинформировали о намечаемом развитии событий. 19 июня генерал-майор Талвела записал в своём дневнике: «Предварительный приказ о наступлении получен» [1, с. 244].

Как видим, Финляндия заранее готовилась к участию в предстоящей агрессии против СССР.

Вступая в войну на стороне Гитлера, финское руководство надеялось не только вернуть утраченные по Московскому мирному договору 12 марта 1940 года земли, но и поживиться за счёт советских территорий, никогда не входивших в состав Финляндии. В первую очередь планировалось захватить Карелию.

Финский посол в Германии Тойво Кивимяки просил президента Рюти подготовить «научное обоснование», доказывающее немцам, что Восточная Карелия исторически принадлежала Финляндии и потому должна вновь присоединиться к ней. По поручению Рюти за это ответственное дело взялся профессор Ялмари Яаккола, уже через месяц представивший памятку «Восточный вопрос Финляндии». Одновременно маршалу Маннергейму было предписано составить предложения о приемлемой для Финляндии восточной границе. На основании этих предложений было начерчено пять разных вариантов прохождения границы. Согласно наиболее радикальному из них Онежское озеро становилось внутренним озером Финляндии, а Свирь – полностью финской рекой [12, с. 99].

События развивались следующим образом. Ещё 21 июня в 16:15 главные силы финского флота высадили 5-тысячный десант на демилитаризованные согласно Женевской конвенции 1921 года Аландские острова, арестовав находящихся там сотрудников советского консульства. Вечером того же дня финские подводные лодки поставили минные заграждения у эстонского побережья, причём их командиры получили приказ атаковать советские корабли, «если попадутся достойные цели». 22 июня финская диверсионная группа попыталась взорвать шлюзы Беломорско-Балтийского канала [17, с. 701–702]. В тот же день Гитлер заявил, что на Севере немецкие войска сражаются в союзе с «героическими фин-

скими братьями по оружию» [2, с. 37]. Эта речь была немедленно опубликована на первой полосе крупнейшей финской газеты «Хельсингин саномат». Правительство Финляндии оказалось в неловком положении, поскольку подобные слова фюрера шли вразрез с официальной пропагандой. В результате по распоряжению финских властей тираж газет с гитлеровской речью был срочно конфискован [2, с. 42].

23 июня в 3 часа 45 минут вылетевшие из Восточной Пруссии немецкие бомбардировщики сбросили в воды фарватера между Кронштадтом и Ленинградом изрядную партию 1000-килограммовых морских мин, после чего приземлились на финские аэродромы [2, с. 36].

Наконец, когда Германия в Москве Фридрих Шуленбург явился утром 22 июня к наркому иностранных дел Молотову с нотой об объявлении войны, то при обсуждении вопроса об эвакуации персонала посольства он попросил эвакуировать немецких граждан через Иран, мотивируя это тем, что «выезд через западную границу невозможен, так как Румыния и Финляндия совместно с Германией тоже должны выступить» [9, с. 12].

Из письма председателя парламентской комиссии по иностранным делам Вийнё Войонма:

«Воскресенье, 22.6.1941

Во время утренней прогулки встретили на лесной тропинке четверых дочерей Таннера*, которые сообщили, что Германия объявила войну России. Они пригласили нас в Соркки**.

В Соркки мы всё время слушали радио... Таннеру было известно, что Финляндия вступит в войну через десять дней и что ближайшие дни будут весьма критическими» [4, с. 37].

Из дневника Юхо Паасикиви:

«23.06.41. Был у Рюти на его летней квартире. Рюти рассказал: 3.07.41 мы выступаем, так как к этому сроку немцы в Северной Финляндии будут готовы.

Мы уточнили будущую границу Финляндии. Границы будут установлены в зависимости от исхода войны и от того, что станет с Советским Союзом. Сейчас стоит вопрос о Восточной Карелии.

Германский посланник передал Рюти собственноручное письмо германского фюрера, в котором фюрер обращает внимание, что Германия и Финляндия во второй раз будут сражаться вместе, и заверял, что он не

оставит Финляндию (nicht im Stichlassen***). Это хорошо. Маннергейм, который приходил к Рюти, был этим также очень удовлетворён. Маннергейм сказал Рюти, что немцы преуспели против Советского Союза с самого начала гораздо больше, чем можно было предвидеть. У Советского Союза дефицит высшего командного состава.

Фалькенхорст – на севере Финляндии, он командует германскими войсками. О финляндских условиях мира говорили с Риббентропом, и он их одобрил» [10, с. 93–94].

24 июня посол Финляндии в Берлине Тойво Кивимяки вручил Герингу орден Белой Розы Финляндии с цепью [10, с. 95].

На рассвете следующего дня советские бомбардировщики нанесли удар по 18 аэродромам в Финляндии и Норвегии, где базировалась немецкая авиация, чтобы предотвратить дальнейшие налёты на Ленинград. Это событие было немедленно использовано в Хельсинки как предлог для официального объявления войны Советскому Союзу [2, с. 45].

Впрочем, кое-кто из финских политиков трезво оценивал происходившее: «Сегодняшний день прояснил многие вещи. Финляндия снова ведёт священную “оборонительную войну”, в которой повинна Россия. У Финляндии же не было никаких причин воевать. И никто не сказал ни слова о том, что немецкий военный плацдарм в Финляндии мог дать России основания упрекнуть нашу страну в том, что она не держит данного ею слова. Русские объявили нам войну – а о том, что это было спровоцировано, никто и не упоминает!» [4, с. 40] – саркастически прокомментировал это в тот же вечер в письме к своему сыну Вийнё Войонмаа.

Интересно отметить, что когда 30 июля 1941 года английская авиация нанесла бомбовый удар по финскому городу Петсамо, где находились немецкие войска, Финляндия ограничился разрывом дипломатических отношений с Англией [2, с. 80].

Трубя на весь мир о «советской агрессии», между собой финские государственные деятели не считали нужным скрывать истинные цели войны. «Нам необходимо объединить теперь все финские племена, нам нужно осуществить идею создания Великой Финляндии и добиться того, чтобы передвинуть границы туда, где проходит самая прямая линия от Белого моря до Ладожского озера», – заявил 25 июня на заседании парламента депутат Салмиала. На реплику же одного из коллег: «Не надо

* Вийнё Таннер, финский государственный деятель, на тот момент министр торговли.

** Имение В. Таннера неподалёку от Хельсинки.

*** Не оставит в беде. – нем.

18 | говорить всего того, о чём думаешь», – объединитель братских народов успокоительно заметил, что заседание всё равно закрытое [2, с. 47].

Накануне вторжения финские подразделения получили приказ главнокомандующего маршала Маннергейма, в котором в частности говорилось: «Во время освободительной войны 1918 года я сказал карелам Финляндии и Востока, что не вложу меч в ножны, пока Финляндия и Восточная Карелия не будут свободны. Я поклялся в этом именем крестьянской армии, полностью доверяя самоотверженности наших мужчин и самопожертвованию женщин.

Двадцать три года Северная Карелия и Олония ожидали исполнения этого обещания, полтора года после героической Зимней войны финляндская Карелия, опустошённая, ожидала восхода зари...

Солдаты! Эта земная твердь, на которую вы ступите, орошена кровью и страданиями родственных народов, это святая земля. Я верю, что наша победа освободит Карелию, ваши действия принесут Финляндии большое счастливое будущее» [12, с. 100].

К 1 сентября 1941 года финские войска сумели выйти на Карельском перешейке к линии старой государственной границы почти на всём её протяжении [2, с. 99–100] и в течение нескольких дней пытались её штурмовать. 3 сентября финским частям удалось взять Старый Белоостров и ряд населённых пунктов за рекой Сестрой [2, с. 104]. 4 сентября они захватили один из передовых дотов Карельского укрепрайона.

Одновременно части 6-го корпуса Карельской армии под командованием генерал-майора Талвела двинулись в обход Ладожского озера через реку Свирь, чтобы замкнуть внешнее кольцо блокады и тем самым полностью отрезать город от страны. Командир 30-го пехотного полка 7-й пехотной дивизии в день перехода старой границы отдал приказ, в котором говорилось:

«С торжественным настроением мы переходим государственную границу. Ступая на старую финскую территорию Страны Калевалы, которая была нам недоступна долгие столетия, мы в сражениях несём нашему народу, всем его последующим поколениям светлое будущее. На нашу долю легко исполнить великое пожелание финского народа. На это решились самые отважные...

Нанесём же последний сильный удар во имя устойчивого мира для всего нашего народа и во имя счастливого будущего родственных финнам народов на древней карельской земле!» [12, с. 101].

Не меньшим пафосом отличается и запись, продиктованная генералом Талвела своему секретарю 8 сентября 1941 года: «Я прибыл на Свирь и почувствовал могучее её течение. По ней спокойно пройдёт теперь новая граница Финляндии, о которой я грезил во сне» [2, с. 110].

В преддверии предстоящего взятия Ленинграда уже была заготовлена торжественная речь, с которой должен был выступить будущий президент Финляндии Юхо Паасикиви. В ней говорилось:

«Пала впервые в своей истории некогда столь великолепная российская столица, находящаяся вблизи от наших границ. Это известие, как и ожидалось, подняло дух каждого финна... Для нас, финнов, Петербург действительно принёс зло. Он являлся памятником создания русского государства, его завоевательных стремлений» [2, с. 110–111].

Однако благодаря стойкости и мужеству защитников города эта патетическая речь пропала втуне. Опираясь на долговременные сооружения Карельского укрепрайона, советские войска заняли прочную оборону, взломать которую при отсутствии у финнов пикирующих бомбардировщиков и тяжёлых осадных орудий было практически невозможно. 5 сентября Старый Белоостров был отбит обратно советскими войсками [2, с. 106].

В этих боях воины Красной Армии проявили героизм и отвагу. Из наградного листа на командира отделения 181-го стрелкового полка 291-й стрелковой дивизии красноармейца Смирнова Михаила Алексеевича (1916 г.р., русский, беспартийный, в РККА с 1940 года):

«Смирнов в неоднократных боях с врагом за свою Социалистическую родину, партию Ленина-Сталина, проявил своё мужество, отвагу и преданность Родине.

Тов. Смирнов особо показал себя в боях за Родину при изгнании белофиннов из Белоострова. К бою своё отделение тов. Смирнов подготовил хорошо. Умелое руководство в бою дало возможность тов. Смирнову на протяжении всего боя не иметь потерь.

Энергичными и бесстрашными действиями своего отделения Смирнов первый вошёл в Белоостров, огнём своего отделения метко разил врага, в результате боя отбил у белофиннов одно орудие, 4 ручных пулемёта и много другого оружия противника.

За умелое руководство отделением в бою, личный пример и бесстрашие в бою с врагом, тов. Смирнов достоин правительственной награды ордена «Красное Знамя» [16, л. 115–115об]

26 ноября 1941 года приказом № 852/н военного совета Ленинградского фронта красноармеец М.А. Смирнов был награждён медалью «За отвагу» [15, л. 78]

Не желая без толку умирать под неприступными дотами, финские солдаты стали в массовом порядке отказываться идти в атаку. После того как подобное произошло в нескольких полках, а общее количество отказников и дезертиров стало исчисляться тысячами, Маннергейм был вынужден окончательно отказаться от наступления на Ленинград и перейти к обороне.

Если на Карельском перешейке «горячие финские парни» не смогли пройти дальше старой государственной границы, то севернее Ладожского озера их наступление развивалось куда успешней. 2 октября финские войска заняли столицу советской Карелии Петрозаводск [14, с. 85], однако дальше продвинуться им не удалось.

Таким образом, хотя финская армия и захватила значительную часть Восточной Карелии, достигнутые ею результаты оказались куда скромней, чем мечталось во снах финским генералам. На Севере Карелии наступление финнов было остановлено уже на начальной стадии. Вскоре линия советско-финского фронта окончательно стабилизировалась.

При регистрации местного населения, согласно приказу маршала Маннергейма, значительную часть русских отправили в концлагеря. В 1941 году в районе Петрозаводска было создано шесть концлагерей. Лагеря были созданы в Алавойнене и Святановоке. Были организованы также временные лагеря, впоследствии закрытые, за исключением «дисциплинарных» лагерей в Ковасъярви и Киңдасово [13, с. 108].

«Относительно внутренней обстановки в Восточной Карелии побывавшие там депутаты парламента рассказывают весьма примечательные вещи. Например, что из 20-тысячного русского населения района Э́нислинна* (гражданских лиц) 19 тысяч находятся в концлагере и тысяча на свободе. Питание тех, кто пребывают в

Гитлер и Маннергейм. 4 июня 1942 г.

концлагере, не очень-то похвалишь, так как в качестве мяса идут павшие лошади: подбирают лошадиные трупы даже двухнедельной давности. Один из депутатов парламента рассказывал, как русские дети тщательно перерывали помойки и отыскивали выброшенные финскими солдатами пищевые отходы» [4, с. 87].

А вот что вспоминает финский военный историк Хельге Сеппяля:

«Летом 1942 года я служил в 9-й отдельной роте, которая была под литерой 6208. Тогда воинские подразделения упоминали только по номерам. Рота выполняла строительные и ремонтные работы в Петрозаводске. Я был на Онежском заводе отметчиком и охранником заключённых. В задачу входило принять утром группу заключённых у ворот и вечером доставить обратно. То есть моих полномочий хватало лишь до ворот.

Вид рабочих-заключённых был удручающим. В колонне по три стояли оборванные дети, женщины и старики. Позади, за рабочими, каждое утро дежурила четырёхколёсная телега со свежеструганными гробами. По понедельникам их было особенно много. Размер их колебался от неполного метра до двух, и были они искусно сделаны из сосновой доски. Перед входом витал удушливый запах смерти, это было голодное лето 1942 года.

Многие финские резервисты и трудообязанные выделяли в меру своих возможностей куски от своего пайка для работающих на Онегзаводе. Повар роты 6208 сквозь пальцы смотрел на то, что иногда наливали и уносили бидоны с супом или кашей для заключённых...» [13, с. 112].

* Так оккупантами был переименован Петрозаводск. – *И.П.*

К 1944 году стало ясно, что поражение Германии не за горами. Почувствовав, что дело пахнет жареным, финское руководство в середине февраля начало зондаж советской позиции насчёт возможности выхода Финляндии из войны. Однако поскольку линия фронта проходила по советской территории, в Хельсинки надеялись на пересмотр условий Московского мирного договора 1940 года в свою пользу.

Летом 1944 года советские войска предприняли, выражаясь современным языком, «операцию по принуждению Финляндии к миру». 9 июня финские оборонительные сооружения на Карельском перешейке были подвергнуты мощному 10-часовому обстрелу артиллерией Ленинградского фронта и Балтийского флота. На следующий день началось наступление войск Ленинградского фронта. В отличие от советско-финской войны 1939–1940 гг., на этот раз линия Маннергейма была прорвана практически сходу. Уже 20 июня был освобождён Выборг. С 12 июля войска Ленинградского фронта перешли к обороне [7, с. 30–32].

21 июня началось наступление Карельского фронта. 25 июня был освобождён Олонек, 28 июня – Петрозаводск. 9 августа наступление завершилось выходом советских войск на линию государственной границы [7, с. 32–34].

5 сентября 1944 года на советско-финском фронте наступило прекращение огня, а с 15 сентября финские войска начали боевые действия против бывших немецких союзников [7, с. 36]. 19 сентября 1944 года было подписано Соглашение о перемирии, в соответствии с которым восстанавливалась граница, определённая Московским договором 1940 года. Кроме того, Финляндия возвращала СССР Печенгскую область, а также обязалась заплатить репарации в размере 300 млн долларов, возвратить в СССР все вывезенные в Финляндию с его территории во время войны ценности и материалы и передать в распоряжение советского командования всё военное имущество Германии и её сателлитов [6, с. 357–358].

Парижский мирный договор 10 февраля 1947 года подтвердил эти условия. В 1948 году СССР сократил оставшуюся невыплаченную сумму репарационных платежей на 50% [6, с. 228–229]. В результате общая сумма финских репараций составила 227 млн долларов [11, с. 225].

Так была установлена нынешняя граница Финляндии и России и настало время родиться мифу о миролюбивой Финляндии и её благородном главнокомандующем маршале Маннергейме.

Список литературы:

- [1] Барышников В.Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг. – СПб.: изд-во СПбГУ, 2003. – 324 с.
- [2] Барышников Н.И. Блокада Ленинграда и Финляндия. 1941–1945. – СПб.–Хельсинки: Ин-т Йохана Бекмана, 2002. – 300 с.
- [3] Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. Т.22. – М.: Сов. энциклопедия, 1975. – 627 с.
- [4] Войонмаа В. Дипломатическая почта / Пер. с фин. и коммент. С.В. Зайчикова, под общ. ред. В.Г. Фёдорова. – М.: Прогресс, 1984. – 284 с.
- [5] Гальдер Ф. Военный дневник. Т.2 / Пер. с нем. И.Глаголева и Л.Киселёва; под ред. и с предисл. Д.Проэктора. – М.: Воениздат, 1969. – 628 с.
- [6] Дипломатический словарь в трёх томах. – 4-е изд., перераб. и доп. Т.П. – М.: Наука, 1985. – 502 с.
- [7] История второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. Т.9. Освобождение территории СССР и Европейских стран. Война на Тихом океане и в Азии. – М.: Воениздат, 1978. – 575 с.
- [8] Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения) – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Вече, 2002. – 541 с.
- [9] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Начало. Книга 1. 22 июня — 31 августа 1941 года. – М.: Русь, 2000. – 717 с.
- [10] Паасикиви Ю.-К. Дневники. Война-продолжение. 11 марта 1941 – 27 июня 1944 / Пер. с финского А.И. Рупасова. – СПб.: Европейский Дом, 2004. – 423 с.
- [11] Расила В. История Финляндии / пер. с финск. Л.В. Суни. – Петрозаводск: изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1996. – 294 с.
- [12] Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. – Петрозаводск, 1995, № 4–5.
- [13] Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. – Петрозаводск, 1995. № 6.
- [14] Советская военная энциклопедия: в 8 т. Т.4. – М.: Воениздат, 1977. – 655 с.
- [15] Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). – Ф. 33. – Оп. 682524. – Ед.хр. 72.
- [16] ЦАМО. – Ф. 33. – Оп. 682524. – Ед.хр. 73.
- [17] Широкопад А.Б. Северные войны России. – М.: ООО «Изд-во Аст»; Минск: Харвест, 2001. – 848 с.